

МАРК ЛЕВИ

Не такая, как все

роман
ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНОСТРАНКА»

Марк Леви

Не такая, как все

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

Леви М.

Не такая, как все / М. Леви — «Азбука-Аттикус», 2018

ISBN 978-5-389-15375-2

На Пятой авеню в Нью-Йорке стоит небольшое здание, ничем не отличающееся от других. Его жильцы шагу ступить не могут без своего лифтера Дипака, который управляет механическим лифтом – диковинным старинным механизмом. Беззаботная жизнь обитателей дома заканчивается в тот день, когда коллега Дипака, ночной лифтер, падает с лестницы. Санджай, племянник Дипака, неожиданно приехав в Нью-Йорк из Мумбаи, спасает положение, заняв место пострадавшего. Никому и в голову не приходит, кто он такой на самом деле... Не догадывается об этом и Хлоя, живущая на последнем, девятом, этаже.

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-15375-2

© Леви М., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Марк Леви

Не такая, как все

Marc Levy
Une Fille Comme Elle

© Illustrations de Pauline Leveque
© Editions Robert Laffont, S.A.S., Paris, Versilio, Paris, 2018
© Antoine Varglas Studio, фотография автора
© А. Кабалкин, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018
Издательство Иностранка®

* * *

Тебе, моя давняя сообщница

Моим детям, не перестающим меня восхищать

Мой дневник, день за днем

День, когда у меня остановились часы

Сначала этот запах, как во время фейерверка, и беспросветная ночная тьма, когда угасает последний сноп огней.

Помню, как разлепила веки и увидела глаза отца: в его взгляде смешались ярость и слезы. Потом заметила, что родители стоят вместе, рядом – картина настолько неправдоподобная, что я было решила, что мне это пригрезилось из-за морфия.

Медсестра измеряла мне давление. Иногда вечером, когда я засыпаю, передо мной возникает ее лицо. Моей улыбкой часто восхищались, друзья говорили, что именно она придает мне очарование. А вот такой улыбки, как у Мэгги, во всем свете не сыскать. Те, кто встречает Мэгги за стенами больницы, видят в ней только женщину с пышными формами, но те, кто с ней знаком, как я, знают, что в этом массивном теле прячется большое сердце. И пусть никто мне впредь не говорит, что только изящество прекрасно.

Джулиус стоял, прислонившись к двери, и смотрел на меня: его серьезный взгляд напугал меня, он это понял, и лицо его смягчилось. Я рада была бы пошутить, сказать что-нибудь веселое, чтобы они расслабились. Например, спросить, выиграла ли я забег, папу это позабавило бы, хотя, может, и нет... Но я не могла издать ни звука – вот отчего мне по-настоящему было страшно! Мэгги меня успокаивала: мне в горло вставили трубку, так что нельзя ни говорить, ни даже глотать. Не успела я прийти в сознание, как меня торопились снова усыпить. Желание рассмешить отца пропало.

Хлоя

1

Близился вечер, наступало самое напряженное время. Дипак совершил уже три ездки. Сначала поднял на восьмой этаж мистера Уильямса, обозревателя телеканала «Фокс Ньюс».

Потом отвез вниз мистера Грумлата, бухгалтера, чья контора располагалась на втором этаже. Теперь он вез на седьмой этаж золотистого ретривера супругов-французов по фамилии Леклер. Их домработница забирала пса на площадке перед лифтом и давала Дипаку десятидолларовую купюру для ожидавшего в вестибюле парня, который выгуливал пса. Дипак взглянул на часы: сейчас его вызовет миссис Коллинз. Вдова упорно запирала свою дверь на три замка, хотя никто не мог бы проникнуть в дом незамеченным. Что ж, угождать причудам жильцов дома № 12 по Пятой авеню – неотъемлемая часть его обязанностей, более того, его рабочий день обычно из этого и состоит.

Дипак помог миссис Коллинз вытащить ключ из замочной скважины и проводил ее на первый этаж, потом заторопился на второй. У лифта его ждала мисс Хлоя, она улыбнулась ему навстречу. Кажется, она так и родилась с улыбкой на губах. Оказавшись в лифте, она спросила, как прошел день, и Дипак ответил:

– То на подъеме, то на спуске, мисс.

Остановить кабину точно на уровне этажа – непростое искусство. Дипак делал это с закрытыми глазами, но транспортировка мисс Хлои со второго этажа, где у нее был кабинет, на девятый, где она жила, требовала особого внимания.

– Мисс собирается вечером выходить? – осведомился он.

В этом вопросе не было ни капли бестактности: если мисс Хлое понадобится помощь его ночного сменщика, того надо предупредить.

– Нет, я приму теплую ванну и лягу. Мой отец дома?

– Вы узнаете это, когда подниметесь к себе, – бесстрастно ответил Дипак.

Он исповедовал две религии: индуизм и деликатность. За тридцать девять лет, что он трудился лифтером в богатом доме на Пятой авеню, он еще ни разу никому не сообщил о приходах и уходах своих работодателей, даже их близким – особенно им.

Дом № 12 по Пятой авеню представлял собой девятиэтажную каменную громадину. На каждом этаже размещалась одна квартира, только на втором – две конторы. Совершая в среднем пять ездов за день на каждый этаж, Дипак, с учетом внушительной высоты потолочных перекрытий, преодолевал 594 километра в год. С начала своей карьеры он проделал путь в 22 572 километра. Во внутреннем кармане его сюртука хранилась драгоценность – блокнот, в котором были зарегистрированы все его подъемы и спуски: так пилоты ведут учет часов, проведенных в полете.

Через год, пять месяцев и три недели он накопит уже 23 448 километров, что равно высоте горы Нандадеви, помноженной на три тысячи. Это будет подвиг, рекорд, мечта всей его жизни. Всем известно, что «Богиня радости» – высочайшая из всех гор, целиком расположенных на территории Индии.

Лифт Дипака полностью управлялся вручную: настоящий антиквариат, во всем Нью-Йорке осталось всего пятьдесят три такие кабины, приводимые в действие при помощи рычага. Для жильцов дома этот лифт служил напоминанием об ушедшем в прошлое тонком искусстве жизни.

Дипак был хранителем вымирающего ремесла, только сам он не знал, как к этому относиться: грустить или, наоборот, гордиться собой.

Каждое утро ровно в 6:15 он входил в дом № 12 по Пятой авеню через черный ход, спускался по лестнице в подвал и направлялся к своему шкафчику в подсобке. Там он снимал свои слишком просторные штаны и линялую майку и облачался в белую рубашку, фланелевые брюки и сюртук, на лацкане которого красовался вышитый золотой нитью адрес дома. Он приглаживал свои тонкие волосы, водружал на голову фуражку и смотрелся в маленькое зеркало на двери шкафчика, после чего отправлялся сменять Риверу.

Следующие полчаса он посвящал важному делу – надраивал кабину. Сначала он тер мягкой тряпочкой лакированные деревянные стены, потом священнодействовал с медной рукояткой. Войти в его лифт – все равно что занять место в вагоне «Восточного экспресса» или – если задрать голову и полюбоваться фреской в стиле Возрождения на потолке – вознестись на небеса в царском саркофаге.

Современный лифт обходился бы владельцам гораздо дешевле. Но как верно оценить приветствие, почтительное внимание? Сколько стоит терпение человека, который деликатно гасит конфликты соседей, какова реальная значимость того, кто озаряет ваше утро учтивым словом, сообщает о погоде, помнит дни рождения, приглядывает в ваше отсутствие за квартирой, самым своим присутствием поднимает вам настроение, особенно когда впереди одинокая ночь? Лифтер – гораздо больше чем профессия, скорее это жреческий сан.

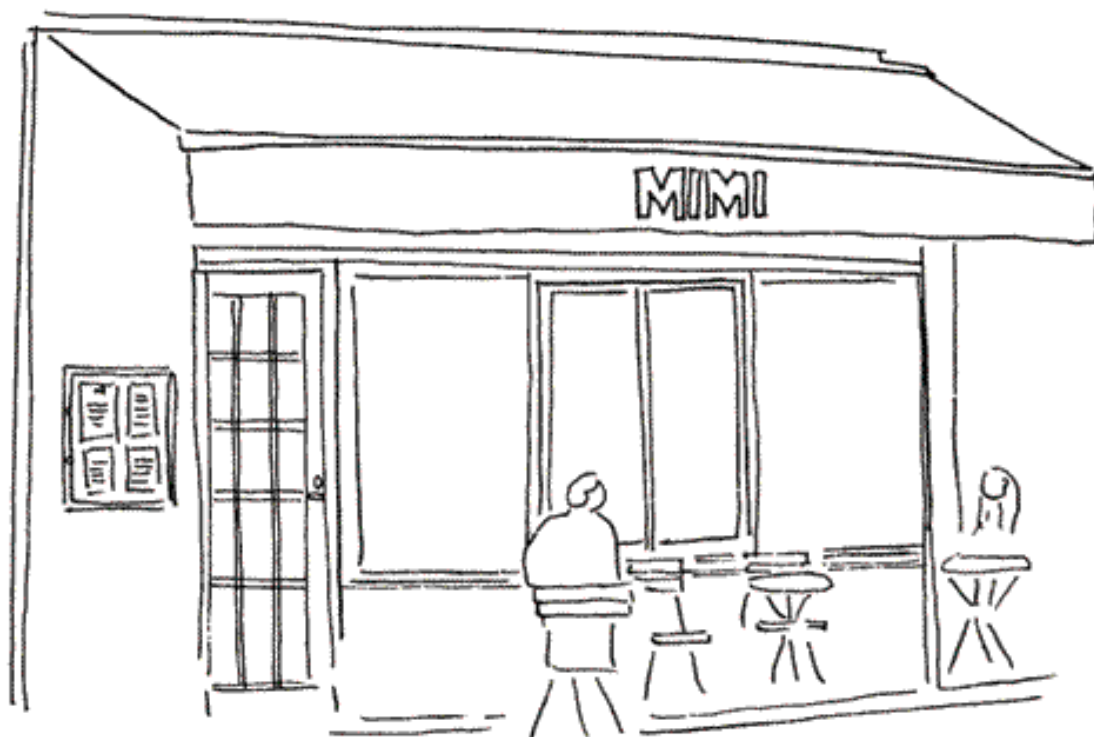
Вот уже тридцать девять лет все дни Дипака походили один на другой. Часы после утренней суматохи и до приближения вечера он проводил за своей конторкой в вестибюле. Встретив посетителя и заперев за ним дверь, он вел его в лифт. Кроме того, он принимал посылки и дважды в день протирал большое зеркало в вестибюле и стеклянные панели кованой двери. В 18:15 Дипак передавал бразды правления королевством своему сменщику Ривере. Потом спускался в подвал, снимал белую рубашку, фланелевые брюки и сюртук, клал на полку фуражку, снова надевал повседневную одежду, зачесывал назад волосы, бросал взгляд в зеркало и брел к станции метро.

«Вашингтон-сквер» – немногочисленная станция, поэтому Дипаку всегда удавалось сесть, чтобы вскоре, на станции «34-я улица», вежливо уступить место первой же вошедшей в вагон даме. На «42-й улице» место освобождалось, и Дипак снова садился, разворачивал газету и изучал новости до самой своей остановки – «116-я улица». Затем шел пешком семьсот метров до своего дома. Таков был его неизменный утренний и вечерний маршрут – и под летним солнцем, и под осенним дождем, и в снегопад, обрушивавшийся с зимних небес.

В 19:30 он здоровался с женой и ужинал вместе с ней. За тридцать девять лет Лали и Дипак изменили этому правилу один-единственный раз. Лали было тогда двадцать шесть, у нее начались родовые схватки, и чуть живой от страха Дипак, сидя с ней рядом в фургоне «скорой помощи», сжимал ее руку. Тот день должен был стать чудеснейшим в их жизни, но он завершился трагедией, и они никогда об этом не заговаривали.

Каждый второй четверг Лали и Дипак устраивали романтический ужин в одном ресторанчике в Эль Баррио – Испанском, или Восточном, Гарлеме.

Дипак любил свое размеренное существование не меньше, чем жену. Но однажды вечером, в тот самый момент, когда он садился за стол, эта размеренность была нарушена.

2

Самолет «Эйр Индия» приземлился в аэропорту имени Джона Фицджеральда Кеннеди. Санджай встал, снял с багажной полки свою сумку и поспешил в рукав, радуясь тому, что первым выходит из самолета. Почти бегом промчался по коридорам и выскочил в большой зал перед самыми кабинками иммиграционной службы. Один из чиновников принялся весьма нелюбезно допрашивать его о причинах приезда в Нью-Йорк. Санджай объяснил, что прибыл сюда учиться, и предъявил приглашение своей тетушки, поручившейся за его платежеспособность. Вместо того чтобы изучить бумагу, чиновник стал рассматривать самого Санджая. Это был ответственный момент: неприглянувшегося иностранного гостя запросто могли препроводить в помещение для допросов, а потом отправить восвояси. Но Санджаю повезло: чиновник шлепнул ему в паспорт штамп, что-то пробубнил насчет необходимости соблюдать срок пребывания на американской земле и велел идти дальше. Санджай забрал с транспортера свой чемодан, миновал таможду и зашагал к условленному месту встречи – туда, где водители лимузинов ожидали своих пассажиров. Один из них держал в руках табличку с его именем. Забрав у Санджая багаж, он отвел его к машине.

Черная «Тойота Краун» мчалась по шоссе 495, довольно свободному в этот поздний час. Долгий перелет давал о себе знать: Санджая разморило на мягком сиденье. Водитель, правда, мешал ему дремать своей болтовней, к тому же хотелось полюбоваться вырисовывавшимися вдали небоскребами Манхэттена.

- По делам или отдохнуть? – любопытствовал водитель.
- Хочу совместить приятное с полезным, – ответил Санджай.
- Через тоннель или по мосту?

Вопрос водителя напомнил Санджаю, что Манхэттен – остров, на который можно попасть разными путями. Он решил, что вид с моста Куинсборо стоит того, чтобы сделать ради него небольшой крюк.

– Из Индии? – спросил его водитель.

– Да, из Мумбаи.

– Может, тоже станешь шофером, как я. Так поступает большинство прибывающих сюда индийцев. Сначала «Желтое такси», для тех, кто похитрее, – «Uber». А для немногих избранных – вот такой лимузин.

Санджай посмотрел на личную карточку водителя, прикрепленную к крышке бардачка. Рядом с фотографией водителя было написано его имя, Мариус Зобонья, номер лицензии 8451.

– Разве поляки не работают в Нью-Йорке врачами, учителями, инженерами?

Мариус поскреб подбородок и задумчиво произнес:

– Не знаю таких. Правда, физиотерапевт моей жены – словак.

– Приятное известие, очень обнадеживающее. Терпеть не могу крутить баранку!

У водителя пропало желание болтать. Санджай вынул из кармана телефон и проверил сообщения. Программа его пребывания в Нью-Йорке выглядела насыщенной. Первым делом следовало исполнить семейный долг. Традиции требовали начать с благодарности тетке, любезно приславшей ему приглашение с рекомендательным письмом. Это было с ее стороны тем более любезно, что он никогда в жизни ее не видел.

– Мы далеко от Гарлема? – спросил он водителя.

– Гарлем большой. Тебе какой – Восточный, Западный?

Санджай полез за письмом и прочел адрес на конверте:

– Двести двадцать пятая Восточная, Сто восемнадцатая улица.

– Пятнадцать минут – и мы там, – пообещал водитель.

– Отлично, едем туда. И уже оттуда – в «Плазу».

Автомобиль выехал на скоростную трассу, идущую вдоль Ист-Ривер и Гарлем-Ривер, и вскоре затормозил перед домом из красного кирпича, построенным в семидесятые годы.

– Ты уверен, что это здесь?

– Да. А что?

– Просто Испанский Гарлем – пуэрто-риканский район.

– А вдруг моя тетка – индианка из Пуэрто-Рико? – отозвался со смехом Санджай.

– Мне подождать?

– Будь так добр. Я ненадолго.

На всякий случай Санджай забрал из багажника свои вещи.

Лали поставила на стол кастрюльку, сняла крышку – и в столовой запахло так, что у Санджая потекли слюнки. Дипак, вернувшись с работы, удивился, увидев жену в сари, которого она никогда не надевала. Еще больше его удивило то, что она приготовила его любимое блюдо, потому что оно появлялось на столе только в праздники. Наверное, его жена уступила наконец доводам рассудка. Почему они так редко доставляют себе маленькие радости? За едой Дипак принялся пересказывать последние новости: он любил обстоятельно излагать все, что прочитал в метро. Но Лали слушала его рассеянно.

– Кажется, я забыла сообщить тебе: мне звонили из Мумбаи, – сказала она, подкладывая ему добавки.

– Из Мумбаи? – переспросил Дипак.

– Да, наш племянник.

– Который из них? У нас наберется десятка два племянников и племянниц, и никого из них мы не знаем.

– Это сын моего брата.

– Вот оно что! – Дипак зевнул, его уже клонило в сон. – У него все хорошо?

– Брат двадцать лет как умер.

– Я спрашиваю не про него, а про племянника.

– Скоро сам у него спросишь.

Дипак отложил вилку.

– В каком смысле «скоро»?

– Слышимость была неважная, – лаконично объяснила Лали. – Я так поняла, что он хочет прилететь в Нью-Йорк. Ему нужна семья, которая бы его приняла.

– При чем тут мы?

– Дипак, с тех пор как мы покинули Мумбаи, ты мне все уши прожужжал своими воспоминаниями о красотах Индии. Иногда у меня создается впечатление, что она застыла во времени, как эстамп. Ну а теперь Индия пожалует к тебе сама. Разве это не повод для радости?

– Ко мне пожалует не Индия, а твой племянник. Что ты о нем знаешь? Вдруг он неуживчивый? Раз ему нужна крыша над головой, значит, он явится сюда с пустыми карманами.

– Мы тоже такими были, когда сюда приехали.

– Но мы были полны решимости трудиться, а не ютиться по чужим углам.

– Подумаешь, неделя-другая! Это еще не конец света.

– В моем возрасте несколько недель – возможно, все, что мне осталось.

– Перестань, смешно слушать! Если уж на то пошло, днем тебя все равно не бывает дома. Я с радостью покажу ему город. Не станешь же ты лишать меня этого удовольствия?

– Где он будет спать?

Лали указала глазами на дальний угол коридора.

– И речи быть не может! – возмутился Дипак.

Он отложил салфетку, пересек гостиную и распахнул дверь голубой спальни. Он сам выкрасил ее в такой цвет тридцать лет назад. Когда он разбирал колыбельку, которую смастерил своими руками, он испытал самую жгучую в своей жизни боль. С тех пор он заходил в эту комнату всего раз в год, чтобы, сев на оставленный у окна табурет, молча помолиться.

Сейчас, увидев, как жена преобразила эту комнату, Дипак горестно вздохнул.

Лали подошла к нему сзади и обняла.

– Дыхание молодости пойдет нам на пользу.

– И когда должен появиться этот твой племянник? – спросил Дипак.

Не успел он договорить, как зазвонил домофон.

Дождаясь гостя на лестничной площадке, Лали поправляла свое сари и высокий пучок, закрепленный светлым роговым гребнем.

Санджай вышел из лифта. На нем были джинсы, белая рубашка, элегантный пиджак и изящные спортивные туфли.

– Я представляла тебя не таким, – призналась смущенная тетушка. – Располагайся, чувствуй себя как дома.

– Это ни к чему, – раздался у нее за спиной ворчливый голос мужа. – Я пока угощу чаем нашего гостя, а ты ступай переоденься.

– Не слушай этого старого брюзгу, – отмахнулась Лали. – Дипак издевается над моим нарядом, но ведь я не знала, что за человек постучится в нашу дверь. Наша семья была такой консервативной!

– Индия сильно изменилась. Вы меня ждали?

– Конечно, еще как! Ты очень на него похож! – сказала Лали со вздохом, вглядываясь в его лицо. – Так и вижу брата, с которым в последний раз говорила сорок лет назад!

– Не мучай его своими допотопными историями, он, наверное, сильно устал, – вмешался Дипак, подталкивая гостя в сторону столовой.

Вернувшись уже не в сари, а в блузке и брюках, Лали застала мужчин за столом. Они перебрасывались редкими фразами, разговор явно не клеился. Она подала печенье, спросила

племянника, хорошо ли он долетел, и стала перечислять достопримечательности, которые мечтает ему показать. Говорить приходилось за двоих: муж не блистал красноречием. Санджай не мог дожидаться, когда сможет уйти, не показавшись невежливым. Увидев, как он борется с зевотой, Дипак ввернул, что всем уже пора отдыхать.

– Твоя комната готова, – сообщила Лали.

– Моя комната? – удивился Санджай.

Взяв племянника за руку, она повела его в голубую спальню. Санджай осторожно заглянул в дверь.

Раскладной диван с бархатной обивкой и грубыми спинками Лали застелила оранжевыми простынями, подушек было две, в наволочках в цветочек, одеяло она сама сшила из разноцветных лоскутов. Перенесенный из прихожей столик был превращен в прикроватный, на нем красовался глиняный горшок с бумажными цветами.

– Надеюсь, тебе здесь понравится. Я так счастлива принимать тебя у нас в гостях!

Санджай покосился на часы: стрелки показывали 19:15. Мысль о том, что придется отказаться от апартаментов в «Плазе» с видом на Центральный парк ради комнатухи площадью шесть квадратных метров в Испанском Гарлеме, приводила его в ужас, и он лихорадочно придумывал отговорку, чтобы вырваться из западни, не обидев тетюшку. Ничего не придумав, этот раб благопристойности позвонил водителю и хрипло сообщил, что больше не нуждается в его услугах. И всю ночь ворочался и слушал надсадный скрип пружин раскладного дивана, с тоской представляя себе широкую гостиничную кровать.

В доме № 12 по Пятой авеню Хлоя отперла дверь своей просторной квартиры. Положив ключи на столик у двери, двинулась по коридору – настоящей галерее своей жизни: все стены в нем были увешаны фотографиями. Некоторые из них ей нравились, например та, где был запечатлен ее отец в тридцать лет: густая шевелюра, лицо волевое, как у Индианы Джонса. Ее лицейские подружки обмирали от одного его вида. Кое-какие снимки она люто ненавидела: на одном из них ей вручали медаль после забега в Сан-Франциско, а мать стояла рядом с совершенно счастливым видом, хотя уже на завтра она собрала вещички и упорхнула. Некоторые фотографии вызвали ностальгические чувства, к примеру снимок собаки, члена семьи, – тогда ее родители еще были семьей...

Из-под двери библиотеки пробивался свет. Молча войдя туда, она уставилась на отца. Его шевелюра была по-прежнему густой, но из рыжеватой стала пепельной. Профессор Бронштейн увлеченно проверял студенческие работы.

– Как прошел день? – осведомилась она.

– Преподавать кейнсианство стаду прыщавых студентов не так тоскливо, как может показаться. Как там твой кастинг? – поинтересовался он, не поднимая глаз. – Все позади?

– Все будет ясно через несколько дней: либо меня вызовут на вторую пробу, либо я получу сотое письмо с объяснениями, почему им не подхожу.

– Ты не ужинаешь с Шопенгауэром?

Хлоя взглянула на отца и быстро попятилась к двери.

– Ты не прочь посидеть в ресторане с дочерью? Я буду готова через полчаса.

– Двадцать минут! – крикнул он ей вслед.

– За это время только наполнится ванна! Когда удосужишься починить сантехнику, я смогу собираться гораздо быстрее, – донеслось до него из коридора.

Профессор Бронштейн выдвинул ящик письменного стола, порылся в нем, нашел старую смету и при виде запрошенной суммы в который раз загрустил. Вернув смету на место, он вернулся к своему неблагодарному труду и не поднимал головы, пока Хлоя снова не постучала в дверь спустя довольно долгое время.

– Я вызвала мистера Ривера, пойдем скорее.

Профессор Бронштейн натянул пиджак и нагнал дочь на лестничной площадке. Решетка лифта уже была открыта. Хлоя оказалась в кабине первой, отец протиснулся следом.

– А Дипак говорил, что вы проведете вечер дома, – протянул ночной лифтер виноватым тоном.

– Планы изменились, – радостно откликнулась Хлоя.

Ривера взялся за свою рукоятку, и кабина поехала вниз.

На первом этаже он отодвинул решетку и посторонился, пропуская Хлою.

Снаружи их встретили синее ночное небо и приятная прохлада.

– Куда пойдем? Напротив, в «Клодетт»? – предложил профессор.

– Нельзя бесконечно злоупотреблять их щедростью, рано или поздно долг придется вернуть.

– Бесконечно нельзя, но еще немножко можно. И потом, у меня есть для тебя радостное известие: сегодня я расплатился с бакалейщиком.

– Лучше поужинаем у Мими, я приглашаю.

– Ты ездила просить денег к своей мамаше? – спросил Бронштейн, хмурясь.

– Не совсем. Я действительно нанесла ей визит, была у нас такая договоренность, но она была занята, собирала чемоданы. Жиголо везет ее в Мексику – вернее, это она его туда везет. Желая загладить вину, она достала из сумочки несколько бумажек и велела мне купить на них наряды.

– Почему бы тебе и вправду так не поступить?

– Что бы я ни надела, ей все не по вкусу. Зато у нас с тобой одинаковый вкус: мы оба обожаем французскую кухню! – И она помчалась вперед по тротуару.

– Полегче, я всего лишь пешеход! – взмолился Бронштейн. – И перестань называть Родриго жиголо, они живут вместе уже пятнадцать лет.

– Он моложе ее на двадцать лет, и она его содержит.

Миновав Вашингтон-сквер-парк, они заторопились по Салливан-стрит. Бронштейн первым вошел в заведение Мими, где радушная хозяйка громко сообщила, что их столик готов – притом что дюжина посетителей ждала своей очереди у барной стойки... Завсегдатаи имели право на особое обращение. Профессор опустил на банкетку, а Хлоя, улучив момент – официант убирал стул, освобождая место для ее инвалидного кресла, – обратилась к паре, палившей на нее:

– Модель «Karman S115», ограниченный выпуск. Настоятельно рекомендую! Чрезвычайно удобно, легко собирается. – И она повернулась к отцу.

– Я возьму ньокки по-парижски, – сообщил тот с вымученной улыбкой. – А ты?

Она заказала луковый суп и два бокала бордо.

– И кто же из вас отменил свидание – ты или он? – спросил Бронштейн.

– Ты это о чем?

– Сегодня утром ты меня предупредила, что вернешься поздно. Я слышал, как ты долго рылась в своем платяном шкафу.

– Намечался девичник, но прослушивание так меня утомило, что...

– Хлоя, я тебя умоляю!

– У Джулиуса работы выше крыши, я попросту опередила события.

– Когда преподаватель философии носит фамилию Шопенгауэр, он обязан быть особенно суровым, – съязвил отец.

– Давай сменим тему, папа.

– Что с той женщиной, которой ты занималась? Если я не ошибаюсь, сожитель относился к ней как неодушевленному предмету? Ты мне недавно объясняла, что поведение этого субъекта причиняет ей боль, но, как ни парадоксально, оно делает ее счастливой.

– Я объясняла не так, во всяком случае не совсем так. У нее что-то вроде стокгольмского синдрома: так мало самоуважения, что она чувствует себя обязанной ему даже за ту кроху любви, которую от него получает.

– Ты посоветовала ей уйти от него к другому, более достойному ее человеку?

– Моя роль сводится к тому, чтобы выслушать пациента и помочь ему осознать его собственные переживания.

– Но ты нашла выход из ее проблемы?

– Я над этим работаю. Я учу ее требовательности, и она делает немалые успехи. Если ты на что-то намекаешь, то лучше не вилий, говори прямо.

– Просто ты не должна быть менее требовательной, чем другие.

– Так ты меняешь тему? Ставлю тебе диагноз: синдром ревнивого папаши.

– Возможно, ты права. Если бы я мог посоветоваться с тобой до того, как от нас ушла твоя мать... Но тебе тогда было всего тринадцать лет! – Профессор вздохнул. – Не пойму, зачем тебе носиться по кастингам, раз ты вполне преуспеваешь в деле, которым занимаешься?

– Затем, что моя карьера психотерапевта еще только начинается, у меня всего три пациентки, и в карманах у нас с тобой шаром покати.

– Наполнение наших карманов – не твоя забота. Если все получится, то я скоро подпишу контракт на серию лекций и приведу в порядок наши финансы.

– Но тебе придется уезжать далеко и тратить уйму сил. Пора мне зарабатывать самой.

– Нам придется переехать. Эта квартира нам не по средствам, она требует огромных трат, нам это не по силам.

– В этой квартире я дважды возвращалась к жизни: сначала после нашего отъезда из Коннектикута, потом после случившегося со мной несчастья. А главное, я хочу, чтобы ты в ней состарился.

– Боюсь, я уже в процессе...

– Тебе всего пятьдесят семь. Глядя на нас, люди принимают нас за влюбленную пару.

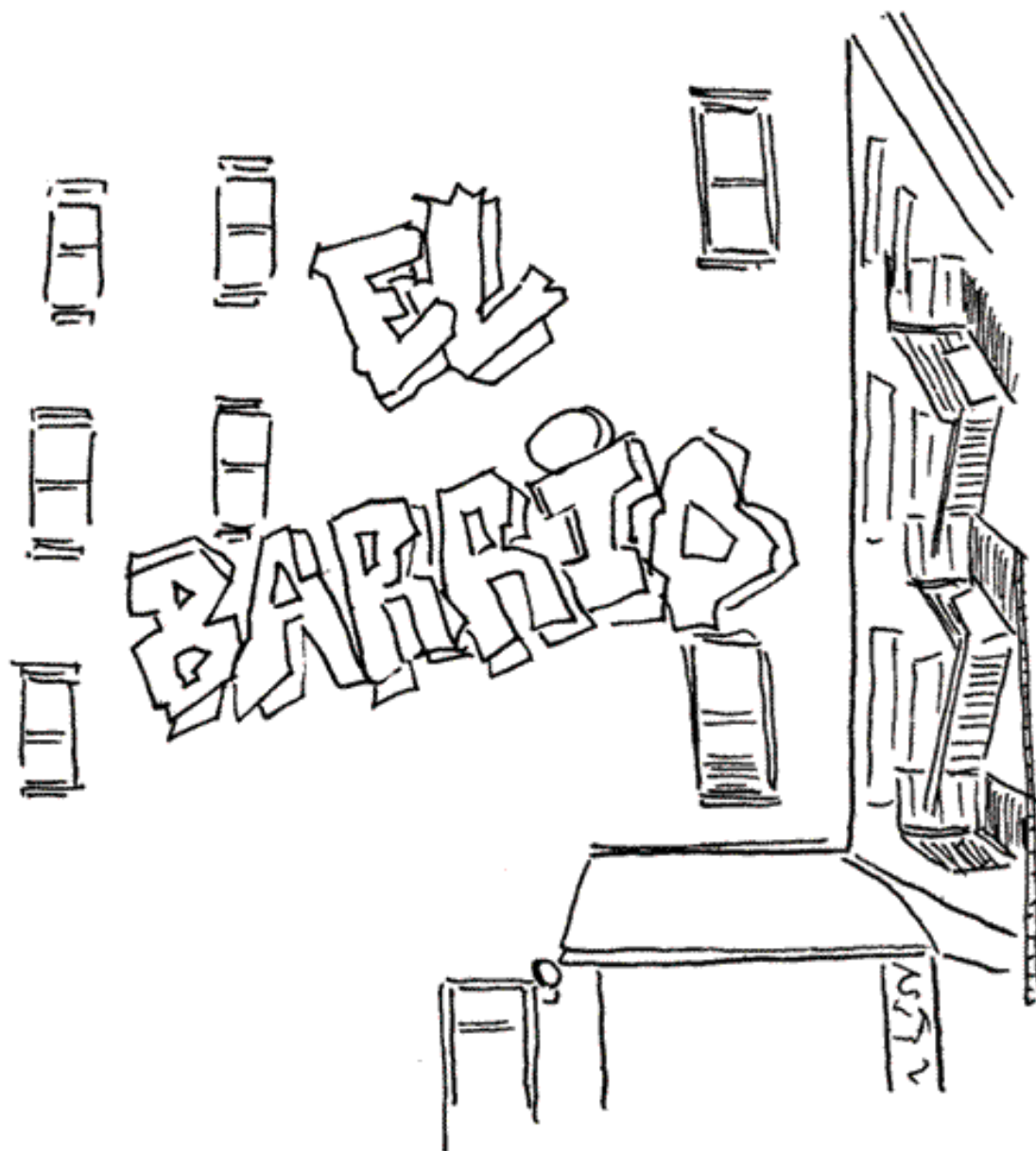
– Какие еще люди?

– Хотя бы те, что сидят у меня за спиной.

– С чего ты взяла, что они на нас смотрят?

– Чувствую – и все.

Совместные вечера Хлои и ее отца часто завершались простой игрой, доставлявшей им обоим немало удовольствия. Они молча глядели друг на друга, и каждый старался отгадать, о чем думает другой, используя как подсказку мимику или движения головы. Это их занятие почти всегда замечали соседи по ресторану. Редкий случай, когда Хлое нравилось вызывать любопытство: в кои-то веки интерес вызывала она сама, а не ее инвалидное кресло.

3

Шторы из органзы с цветочками почти не защищали от света, и Санджая разбудили первые же проблески утра. Сначала он не сообразил, где находится, но преобладавшие в комнате розовый и голубой цвета быстро развеяли его недоумение. Он накрыл голову подушкой и снова уснул. Спустя несколько часов вскочил с постели, поспешно оделся, схватил свой ноутбук и, не позаботившись причесаться, выскочил из комнаты.

Лали ждала его за кухонным столом.

– Куда хочешь сначала – в Метрополитен-музей или в Музей Гуггенхайма? Может, ты предпочтешь начать с прогулки по Чайна-тауну, Маленькой Италии, Нолите, Сохо? Выбор за тобой.

– Где тут ванная? – выдавил он.

Лали не сумела скрыть разочарование.

– Не забудь про завтрак, – сказала она приказным тоном.

Санджай плюхнулся на табурет, который Лали подвинула ему ногой.

– Хорошо, – уступил он, – только быстро, я очень тороплюсь.

– Можно поинтересоваться, что у тебя за работа? – спросила она, заливая молоком хлопья в его миске.

– Хай-тек.

– Что еще за хай-тек?

– Мы придумываем новые технологии, облегчаем людям жизнь.

– Тогда придумай мне племянника, который хоть немного развеет скуку моей повседневной жизни! С которым можно гулять, который расскажет мне о моей родине, о моей родне, с которой я так давно не разговаривала!

Санджай вскочил и неожиданно для себя самого чмокнул тетку в лоб.

– Обещаю! – заявил он, тронутый этим неожиданным признанием. – Все это будет! А сейчас мне надо бежать, работа не ждет.

– Тогда ноги в руки – и вперед! Я уже привыкла, что ты живешь у нас. И смотри, без глупостей: пока ты в Нью-Йорке, не может быть речи, чтобы ты ночевал где-то еще. Только у меня! Иначе – страшная обида! Ты же не рискнешь обидеть близкую родственницу, правда?

Вскоре Санджай выскочил из теткиной квартиры, оставив там свой чемодан: выбора у него не было.

Он открывал для себя Испанский Гарлем прекрасным весенним днем. Броские витрины, густые толпы людей на тротуарах, улицы, забитые отчаянно гудящими машинами... В этом хаосе не хватало разве что рикш. Провести двадцать часов в воздухе, чтобы угодить в Мумбаи по-пуэрторикански?.. Последней каплей стал звонок в «Плазу», чтобы отменить бронирование. После этого он обреченно нырнул в метро.

С тех пор как его тетушка распрощалась с родиной, в Индии многое изменилось, но некоторые традиции остались незыблемыми, в том числе почитание старших.

Санджай вышел на станции «4-я улица», понимая, что опаздывает на встречу. Шагая вдоль решетки Вашингтон-сквер-парка, он услышал мелодию. Вместо того чтобы обогнуть парк, он пошел через него напрямик, словно ребенок, замороженный дудочкой Гамельнского крысолова. На одной из аллей парка расположился трубач. Волшебные звуки его инструмента плыли среди ветвей американских тополей, норвежских кленов, китайских вязов и северных катальп. Вокруг музыканта собралось десятка два слушателей. Зачарованный Санджай опустился тут же на скамейку и замер.

– Это будет наша мелодия, надо ее запомнить, – раздался рядом с ним негромкий женский голос.

Он удивленно повернул голову.

– Начало знакомства всегда сопровождается музыкой, – игриво продолжила незнакомка, сияя улыбкой. – Шутка, конечно. Вы были так поглощены музыкой, что меня это тронуло.

– Мой отец божественно играл на кларнете. Его любимой вещью был как раз «Маленький цветок» Беше, под нее я засыпал почти каждый день...

– Тоскуете по родине?

– Пока рано. Я здесь совсем недавно.

– Прибыли издалека?

– Из Испанского Гарлема. Это в получасе отсюда.

– Один-один. Счет сравнялся, – весело проговорила она.

– Вообще-то я из Мумбаи, а вы?

– Я живу на углу этой улицы.

– Часто бываете в этом парке?

– Почти каждое утро.

– Значит, у меня еще будет прекрасная возможность вас увидеть. А сейчас мне надо бежать.

– У вас есть имя? – спросила она.

– Да.

– Очень приятно, Да. А меня зовут Хлоя.

Санджай улыбнулся, помахал ей рукой и убежал.

Здание, где работал Сэм, возвышалось на углу Западной 4-й улицы и Макдугал, к югу парка. Санджай представился дежурной, та попросила его подождать.

– А ты все такой же! – воскликнул Санджай при виде друга.

– Ты тоже, по-прежнему поражаешь пунктуальностью. Разве в «Плазе» тебя не разбудили? У них нет такой услуги?

– Я сменил отель, – беспечно ответил Санджай. – Ну что, приступаем?

Сэм и Санджай познакомились пятнадцать лет назад, когда учились в Оксфорде: Санджай постигал там премудрости информатики, Сэм – экономики. Сэму Англия казалась более причудливым местом, чем Санджаю.

Вернувшись в Индию, Санджай создал преуспевающее предприятие. Сэм в Нью-Йорке руководил работой с клиентами в брокерской фирме.

Их дружба не угасла благодаря электронной почте. Они регулярно обменивались новостями, и, когда Санджай решил обратиться за средствами к американским источникам, чтобы придать новый импульс своим проектам, он, естественно, обратился к Сэму. Сам он терпеть не мог разговоры о деньгах, что для бизнесмена было существенным недостатком.

Утро ушло на составление досье, которое предстояло подать на рассмотрение инвесторам. В цифрах будущее выглядело заманчиво, однако Сэм счел, что Санджай излагает материал слишком сбивчиво, и все время заставлял его возвращаться к началу.

– Ты все запутываешь и постоянно отклоняешься от темы. Наши доверители должны разглядеть в тебе долговременного партнера, а не просто создателя приложения, пусть даже гениального. Индия пробуждает у них мечты.

– Хочешь, чтобы для экзотики я надел тюрбан и раскатисто произносил «р»?

– Да уж это было бы лучше, чем твои джинсы и мягая рубашка! В Америке головастых программистов пруд пруди, а вот мысль о сотнях тысяч пользователей твоей социальной сети в одном только регионе Мумбаи вызовет у финансистов обильное слюноотделение.

– Так, может, тебе перед ними и выступить? Похоже, ты лучше меня знаешь, что можно говорить, а что – нет.

Сэм внимательно посмотрел на друга. Санджай происходил из состоятельного индийского рода, а родители Сэма были простыми коммерсантами из Висконсина, которым потребовалось десять лет, чтобы выплатить кредит за его учебу.

Сейчас, добившись успеха, он доказал бы своему боссу, что способен справляться с крупными проектами, и, возможно, – чем черт не шутит! – заслужил бы место ассоциированного партнера, а это уже шанс по-настоящему изменить жизнь.

Будучи прагматиком, он и не думал завидовать Санджаю, наоборот, друг его восхищал. Он собирался использовать авторитет семьи друга для привлечения клиентов, несмотря на то что сам Санджай по достаточно веским причинам этого не желал.

– Почему бы и не выступить? – произнес Сэм. – На факультете я был сильнее тебя в устных выступлениях.

– Если бы языком обучения был хинди, ты запел бы по-другому!

– Это еще бабушка надвое сказала! Ступай, прогуляйся; когда вернешься, я ознакомлю тебя с презентацией твоего проекта, тогда и скажешь, кто из нас более убедителен.

– Когда мне вернуться, чтобы оценить твоё творение?

– Через часок: мне этого хватит! – заверил его Сэм.

Выйдя на улицу, Санджай очутился перед оградой парка. Трубача след простыл, от его «Маленького цветка» осталось одно воспоминание. Санджай позвонил тетушке и пригласил ее пообедать с ним.

Через полчаса он встретил Лали у фонтана в Вашингтон-сквер-парке.

– Меня тянет на изысканную кухню, сама выбери лучший здешний ресторан. Я угощаю, – сказал Санджай.

– Чего ради сорить деньгами? Я приволокла целую корзину вкусной снеди.

Наблюдая, как она расстилает на траве бумажную скатерку и выкладывает на нее картонные тарелки и пластмассовые приборы, Санджай гадал, чем так прогневал саму Судьбу.

– Как странно – встретиться в этом парке! – произнесла Лали со вздохом.

– Ничего странного, здесь рядом работает мой партнер.

– Мой партнер тоже трудится поблизости.

– Каким был в детстве мой отец?

– Очень сдержанным, всегда наблюдал за другими. Ты на него похож. Не отрицай, ты вчера весь вечер не отрываясь смотрел на Дипака, только вряд ли что-то разглядел. Он сидел насупленный, а ведь за этой мрачной миной прячется человек, полный сюрпризов. Он до сих пор не перестает меня удивлять.

– Чем он занимается?

– Ты учинил мне допрос, а о себе помалкиваешь! Он водитель.

– Такси?

– Лифта! – прыснула Лали. – Всю жизнь провел в кабине, еще более древней, чем он сам.

– Как вы познакомились?

– В парке Шиваджи. Я обожала ходить на крикетные матчи, каждое воскресное утро туда убегала. Ненадолго обретала свободу. Если бы мой отец узнал, что я хожу глазеть на парней на стадионе, мне бы не поздоровилось. Дипак был неподражаемым забивающим. В конце концов он обратил внимание на девушку, сидевшую в одиночестве. Я в молодости была хорошенькой! Как-то раз – счет был еще равный – Дипак засмотрелся на меня и пропустил свой бросок. Все страшно удивились: его как огня боялись боулеры из команды соперников. Да, удивились все, кроме меня. После матча он поднялся на трибуну и сел двумя рядами ниже меня, чтобы никто не заподозрил, что мы проявляем интерес друг к другу. Он сказал, что из-за меня подвергся серьезному унижению и что у меня есть только один способ оправдаться – снова с ним увидеться. В следующее воскресенье я пришла опять, только в тот раз мы вышли из парка и стали прохаживаться вдоль залива Махим. Потом мы сидели у подножия храма перед молом. Разговорились – и никак не могли остановиться. Скоро сорок лет, как мы вместе, и, когда он утром уходит, я начинаю по нему скучать, да так сильно, что порой иду гулять сюда, в Центральный парк. Он работает в начале Пятой авеню, в доме номер двенадцать. – Для пущей наглядности она показала пальцем на арку посреди парка. – Но он терпеть не может, когда я беспокою его на службе. Этот проклятый дом – его царство.

Лали умолкла и внимательно посмотрела на племянника.

– Ты похож на меня, а не на моего брата. Я вижу это по твоему взгляду.

– Что же ты там видишь? – насмешливо спросил Санджай.

– Гордость и мечты.

– Мне пора идти работать.

– Возвращаешься в свой хай-тек? – спросила она.

– Так называется не конкретное место, а все мое царство. Сегодня вечером не ждите меня к ужину, я буду занят. Когда приду, постараюсь не шуметь.

– Я все равно услышу. Хорошенько повеселись, а завтра или когда-нибудь еще мы с тобой обязательно побываем в моих любимых местах.

Санджай проводил тетю до станции метро. Возвращаясь в офис Сэма, он увидел зеленый козырек дома № 12 по Пятой авеню.

Холл рассказывает историю дома, истории его жильцов – незнакомых друг с другом людей, неведомо почему поселившихся рядом. Лестничные клетки помнят главные моменты их жизни – рождения, браки, разводы, кончины, – но толстые стены буржуазных домов надежно хранят их заветные тайны.

Холл, куда зашел Санджай, был обит дубовыми панелями. Огромная люстра с хрустальными подвесками озаряла изысканную роскошь, отражалась в мраморе пола в виде звезды с длинными лучами. Все здесь было тщательно продумано, на всем лежал отпечаток неповторимости. Бакелитовый телефон, стоявший на крышке конторки, был позаимствован из былых времен: когда-то по нему вызывали привратника, но древний аппарат уже давно лишился голоса. Рядом лежала открытая черная тетрадь с тщательно выведенными именами посетителей. За конторкой дремал сам Дипак. Звук открывающейся двери не вывел его из сладкого забытья.

Санджай кашлянул, Дипак вздрогнул.

– Чем я могу вам помочь? – вежливо осведомился он, поправляя на носу очки. Разглядев вошедшего, он нахмурился: – Что ты здесь делаешь?

– Пришел полюбоваться местом, о котором уже наслышан от тети.

– Ты никогда не бывал в приличном многоквартирном доме? Наверное, ты живешь в трущобах Дхарави?

– Мне захотелось увидеть знаменитый лифт...

– Что тебе о нем наплела Лали?

– Лифт, судя по всему, великолепен. Управляться с ним способен только подлинный мастер.

– Так и есть, – согласился Дипак, поддавшись на лесть.

Он огляделся, удостоверился, что они одни, взял фуражку и водрузил ее себе на голову. Санджай не мог не признать, что в этом щегольском облачении супруг его тети очень похож на капитана океанского лайнера или командира воздушного судна.

– Что ж, – проворчал Дипак, – в такой час визитеры вряд ли нагрянут, так что иди за мной, устрою тебе экскурсию, только соблюдай осторожность. Понял?

Санджай кивнул. У него было чувство, будто ему позволили посетить музей после закрытия. Дипак отодвинул решетку лифта и пригласил племянника в кабину. Со значением положив руку на рукоять, он взял небольшую паузу, словно подчеркивая важность предстоящего путешествия.

– Слушай! – приказал он. – Здесь у каждого звука свой смысл.

Санджай слышал, как бежит ток по проводам, как оживает электромотор, как вздыхает, начиная подъем, выдавшая виды кабина.

– Ты понял? – спросил его Дипак. – Звучит целая партитура. Каждый межэтажный пролет играет собственную ноту, и я узнаю их все с закрытыми глазами, они подсказывают, где я нахожусь, определяют секунду, когда мне надо опустить этот рычаг, чтобы мягко остановить кабину.

Лифт остановился на пятом этаже. Дипак посмотрел на спутника, ожидая бурного восторга. Казалось, для него все это имеет огромное значение, и Санджай сделал вид, что глубоко потрясен.

– Спуск еще прекраснее, он требует дополнительной сноровки, потому что противовес тяжелее нас, понимаешь?

Санджай важно кивнул. Но едва кабина тронулась с места, у Дипака зазвонил мобильный. Он потянул за ручку, и кабина замерла.

– Мы сломались? – спросил Санджай.

– Помолчи, я думаю. Меня вызывают на девятый этаж. – И он снова тронул ручку.

В этот раз кабина поднималась быстрее, чем раньше.

– Как я погляжу, вы можете регулировать скорость?

– Это, наверное, мистер Бронштейн, хотя час неурочный. Стой у меня за спиной и помалкивай. Если он с тобой поздоровается, ответь, изобрази посетителя.

На девятом этаже лифт ждала девушка в инвалидном кресле. Она развернулась спиной к кабине, чтобы было удобнее въезжать.

– Добрый день, мисс, – вежливо поприветствовал ее Дипак.

– Добрый день, Дипак. Собственно, мы с вами уже дважды здоровались сегодня, – отозвалась она, заезжая в кабину задним ходом.

Санджай вжался в стену кабины у нее за спиной.

– Вы не остановитесь, чтобы высадить этого господина? – спросила она, когда они поравнялись со вторым этажом.

У Дипака не было времени оправдываться: они уже приехали на первый. Он отодвинул решетку и в последний момент отстранил Санджая, бросившегося помогать Хлое выехать из лифта, после чего поспешил в холл и отворил перед ней дверь.

– Такси, мисс?

– Да, будьте так любезны, – ответила она.

Внезапно ход событий резко ускорился. Появился курьер с пакетом, одновременно на конторке раздалось три звонка. Дипак попросил парня подождать, чем вызвал у того сильное недовольство.

– Три звонка – это мистер Моррисон, – проворчал Дипак. – Нет уж, сначала я посажу вас в такси.

– А кто займется моей посылкой? – возмутился курьер, выскакивая следом за ним на тротуар.

Хлоя отобрала у него пакет, положила себе на колени и расписалась в квитанции.

– Это для Леклеров, – прочла она. – Любопытно, что здесь?

Дипак выразительно посмотрел на племянника, застывшего под козырьком. Тот, подойдя к Хлое, взял у нее пакет.

– Я положу это на конторку. Или вы хотите сперва взглянуть, что внутри?

Он зашел в дом и почти сразу вернулся. Дипак стоял посреди мостовой со свистком в зубах и вытянув руку – ловил такси. Мимо уже проехали три желтые машины с зажженным фонарем на крыше.

– Не хочу вмешиваться не в свое дело, – обратился к нему Санджай, – но звонки не умолкают.

– Поднимитесь за Моррисоном, Дипак, я справлюсь сама, – сказала Хлоя.

– А я займусь такси, – предложил Санджай, подойдя к дяде.

– Только учти, ей подойдет не любое, – шепнул ему Дипак, – а только с отодвигающейся дверцей.

– Я понял. Не знаю, кто такой этот Моррисон, но ждать он явно не любит.

Поколебавшись, Дипак вернулся в дом, оставив Санджая наедине с Хлоей.

– Все хорошо? – обратился он к ней.

– Почему нет? – холодно ответила она вопросом на вопрос.

– Просто так. Мне показалось или вы что-то сказали?

– Мне надо было выехать раньше, теперь я опаздываю.

– Важная встреча?

– Еще какая... надеюсь.

Он выскочил на мостовую и остановил такси – не той модели, о которой говорил ему дядя.

– Очень любезно с вашей стороны, что вы бросаетесь под колеса проезжающего транспорта, – сказала ему Хлоя, подъезжая. – Не хочу быть неблагодарной, но, боюсь, в эту машину мне не погрузиться.

– Вы говорили, что опаздываете?

Не дожидаясь ответа, Санджай наклонился, взял ее на руки и аккуратно усадил на заднее сиденье. Потом сложил кресло, засунул его в багажник и захлопнул ее дверцу.

– Вот так! – сказал он, очень довольный собой.

Хлоя внимательно смотрела на него.

– Можно задать вам один вопрос?

– Конечно! – Он подошел вплотную к машине.

– Как мне быть, когда меня доставят на место?

Санджай застыл в растерянности.

– Во сколько у вас встреча?

– Через пятнадцать минут. Успею доехать, если не будет пробок, а вот дальше...

Санджай посмотрел на часы, обошел машину и уселся рядом с Хлоей.

– Поехали! – приказал он.

– Куда мы едем? – насторожилась Хлоя.

– Туда, куда нужно вам.

– Угол Парк-авеню и Двадцать восьмой улицы.

– Мне в ту же сторону, – сказал он, и такси тронулось с места.

Оба молчали. Хлоя отвернулась к своему окну, Санджай – к своему.

– Нет причин смущаться, – проговорил он. – Я помогу вам выйти, а потом...

– Я вспоминала свою недавнюю шутку в парке. Надеюсь, вы правильно истолковали мои слова. Прошу меня простить, я не подумала, что в таком огромном городе мы можем повстречаться снова, да еще в тот же день. Как вы попали ко мне в лифт?

– Катался вверх-вниз.

– Это ваше любимое развлечение?

– Что у вас за важная встреча? Если вопрос нескромный, можете не отвечать.

– Я еду на кастинг. Мечтаю получить роль. А у вас что за дело на Двадцать восьмой?

– Тоже подобие кастинга – встреча с инвесторами.

– Вы трудитесь в сфере финансов?

– Вы хотите сниматься в кино или на телевидении?

– Вот не знала, что мы так похожи на индусов!

– Мы?..

– Я еврейка. Неверующая, но еврейка.

– И чем же мы, по-вашему, похожи?

– Манерой отвечать вопросом на вопрос.

– Разве нельзя быть индийским евреем?

– С этим я, пожалуй, соглашусь.

Машина затормозила у тротуара.

– Минута в минуту! Я подробно объясню вам, чем занимаюсь, если нам снова доведется встретиться, – сказал Санджай, вылезая.

Он открыл багажник, разложил кресло и усадил в него Хлою.

– Зачем нам встречаться?

– Удачи вам с ролью! – сказал он и снова сел в такси.

Она проводила взглядом машину, развернувшуюся на перекрестке и уехавшую обратно, в направлении Нижнего Манхэттена.

Всю дорогу у Санджая вибрировал мобильный, но он не решался отвечать на звонки. Видимо, Сэм был вне себя от нетерпения.

Санджай ничем не мог оправдать свое очередное опоздание, как и объяснить, почему у него такой блаженный вид. Сэм принял его холодно. Прослушав заготовленное другом выступление, Санджай счел его недостаточно поэтичным, но постеснялся высказать свое мнение.

Решение было принято: завтра Сэм представит проект одному из самых крупных клиентов, Санджай будет только присутствовать.

После ужина в Чайна-тауне Сэм предложил отвезти Санджая в отель.

– Благодарю за любезное предложение, но я ночую в Испанском Гарлеме, – ответил Санджай.

– Что ты забыл в Испанском Гарлеме? – встревожился Сэм.

Санджай объяснил, что по недоразумению ему пришлось остановиться у тетушки.

– Почему ты не попросил приглашение у меня?

– Я и так тебя достаточно загрузил.

– Ты больной, что ли? Пожертвовать комфортом шикарных апартаментов, круглосуточным обслуживанием, завтраками прямо в постель в «Плазе» и поселиться у чужих людей – это даже не безрассудство, а прямо-таки самоотречение.

– Они мне не чужие, – возразил Санджай, садясь в такси.

Пружины раскладного диванчика изрядно намяли Санджаю спину. Он встал и раздвинул занавески. Шум и оживление на улицах Испанского Гарлема снова вернули его в Мумбаи. Веря в приметы и знамения, он не мог отделаться от мысли, что не просто так он очутился в этой комнатухе с видом на пуэрто-риканскую бакалейную лавчонку, у тетки, которую раньше в глаза не видел. Он, принявший решение сбежать от родни!

Разрыв произошел в тот день, когда его отец скорпостижно скончался в разгар семейной трапезы. Едва он отошел в мир иной, как дядя Санджая уже заспорили о будущем отеля «Мумбаи Пэлас». Тогда он и дал себе слово никогда не быть похожим на них. Он молча слушал, как они в уклончивых выражениях обсуждали наследство и новое распределение ролей в правлении компании. Потом, не выдержав, он ушел, чтобы погоревать в одиночестве у тела отца, который многому его научил, но с которым сам он почти ничем не успел поделиться. Дядя постановили, что мать не сможет растить сына в одиночку, и решили взять сироту под свое покровительство. Тогда Санджай и поклялся от них сбежать.

Его детство и юность были суровыми, ни пансионы, ни череду наставников он не вспоминал добрым словом. Он с нетерпением ждал каникул и встречи с матерью. Потом его отослали еще дальше, в Оксфорд; вернувшись из Англии, он окончательно порвал связи с родней. Однажды он случайно встретил школьного приятеля. И они заговорили о девушках. Негласные правила позволяли только невинные встречи. Решение, кому кого любить, принимала семья.

И тогда Санджаю пришла в голову идея. У них отнимают беспечность юности? Значит, нужно найти средство, чтобы получить от нее максимум удовольствия. Какое средство? Интернет-приложение, которое позволяло бы знакомиться и встречаться, не полагаясь на волю случая, расширить выбор, пока что ограниченный кругом семейных и профессиональных связей. Придуманная им социальная сеть быстро обогнала по степени продвинутости американские аналоги. Первая же версия его программы быстро привлекла тысячи пользователей, и с тех пор их количество только росло. Санджаю потребовались вложения в совершенствование пользовательского интерфейса, в наем персонала, аренду помещений и связь, позволяющую привлекать все больше народу. Он получил в наследство состояние отца, хотя большая его часть была

вложена в акции отеля «Мумбаи Пэлс», треть из которых принадлежала ему. Успех приложения превзошел все ожидания. Уже через год после запуска у интернет-платформы были сотни тысяч пользователей. И теперь их число приближалось к миллиону.

В «Дейли Ньюс» появилась статья, посвященная этому успешному проекту, но ее автор поднял тему, взбудоражившую общественное мнение в Индии: созданная Санджаем социальная сеть неизбежно угрожала традиционным обычаям. Не наступит ли предел терпению, не вспыхнет ли возмущение, и если да, то как скоро? Статья не осталась незамеченной, из-за нее Санджай разругался со своими дядьями. Только мать приняла его сторону, хотя мало что понимала в занятиях сына. Он был счастлив, а для нее только это имело значение.

Потом она всерьез разболелась, и он, как-то раз сидя у ее изголовья, стал листать семейный альбом. Его взгляд задержался на незнакомом лице. Мать объяснила, что молодая женщина на фотографии – сестра его отца, тетя, с которой он никогда не встречался, потому что она бросила родных, вышла замуж за какого-то неудачника и уехала с ним в Штаты.

Мать выздоровела, и Санджай с головой погрузился в свои дела. Растущий бизнес требовал притока финансов. Индийские банки не спешили давать кредиты по этическим соображениям: бизнес Санджая неустанно подвергался нападкам консервативной прессы. Потому он и надумал попытать счастья там, где его конкуренты процветали... Запрос визы, письмо к незнакомой тетушке, недоразумение – и вот его бока подвергаются немилосердным атакам пружин на раскладном диване.

Санджай задернул занавеску. Ему не терпелось узнать, каким будет следующее знамение...

– Не спится? – поинтересовалась Лали, приоткрыв дверь и заглядывая к нему в комнату. – Представляешь, мне тоже! Бессонница замучила. Не знаю, недуг это или благословение: чем меньше спишь, тем больше видишь, согласен?

– У врачей другое мнение.

– Ты не проголодался? Хочешь, что-нибудь разогрею? Идем, Дипак спит, не бойся. – Она покосилась на свою спальню. – Даже если начнется землетрясение, оно его вряд ли разбудит.

Санджай сел за кухонный стол, Лали достала блюдо с бебиной и отрезала два толстых куска. Кухня наполнилась запахом миндаля и кокоса.

– А с тобой-то что? Тоже бессонница или разница часовых поясов?

– Ни то ни другое, просто мысли.

– У тебя неприятности? Деньги нужны? – спросила Лали.

– Ничего подобного! С чего ты взяла?

– Знаю я твоих дядьев! Когда умер мой отец, они лишили меня моей части наследства. У меня было, правда, подозрение, что принадлежавшие ему обветшавшие хоромы стоили гроши, но это дело принципа, понимаешь? – С этими словами она достала из сумки кошелек.

– Пожалуйста, убери, я прекрасно справлюсь сам.

– В одиночку ничего не добьешься. Те, кто считает иначе, излишне самоуверенны.

– А твой муж? Он в своем лифте один-одинешенек.

– Дипак работает вместе с коллегой, каждый вечер заступающим в ночную смену. Я мирилась со всеми его причудами, даже с самыми бессмысленными, предоставила ему полную свободу. У меня было к нему единственное требование: чтобы спал у меня под боком.

– Вы вправду уехали из Индии ради того, чтобы жить вместе?

– Не знаю, как там с этим сейчас, но в наше время браки устраивали родители, а молодые даже пикнуть не могли. Но у меня не такой характер, чтобы повиноваться. Дипак не принадлежал к нашей касте, но мы полюбили друг друга и решили: будь что будет, но мы не позволим старым хрычам решать за нас. Мы, конечно, не в полной мере понимали, что значит «будь

что будет». Нам пришлось бежать из Мумбаи, иначе твой дед или кто-нибудь из твоих дядьев прикончил бы Дипака.

– Папа ни за что такого не допустил бы!

– Он встал на сторону мужчин, для меня это стало страшным предательством. Сначала твой отец был единственным моим сообщником из троих моих братьев. Он мог бы выступить в мою защиту, бросить вызов архаичным правилам нашего семейства, где царило лицемерие, но он этого не сделал. Хотя напрасно я тебе такое про него рассказываю, это нехорошо...

Была уже глубокая ночь. Санджай и Лали наконец расстались, но ни ему, ни ей так и не удалось уснуть.

В доме № 12 по Пятой авеню все давно спали, кроме миссис Коллинз, у которой прозвонил будильник. Милая немолодая дама, занимавшая квартиру на шестом этаже, надела халат и вышла в гостиную. Там она накрыла черным шелковым платком клетку с попугаем, потом отправилась в кухню, чтобы отпереть служебную дверь. Дальше ее путь лежал в ванную, где она нарумянила перед зеркалом щеки, побрызгалась духами. Снова растянувшись на кровати и укрывшись, она стала листать журнал, чтобы скрасить ожидание.

День, когда я вышла из больницы

Сначала я пользовалась деревянной доской. Клала ее как мостик между кроватью и сиденьем кресла и переползала по ней с кровати в кресло. Этому фокусу меня научила Мэгги. Я была не первой ее пациенткой, к тому же она умела так замечательно объяснять разные невеселые вещи, что я даже не успевала испугаться. Она заверила меня, что в конце концов я смогу обходиться без доски – при условии, что натренирую мышцы рук. Столько лет заниматься бегом, накачать железобетонные икры и лодыжки – чтобы, оставшись без них, опять начать с нуля, с плеч и затылка...

Однажды утром доктор Малдер сказал мне, что больше у него нет причин держать меня в больнице. Он сообщил об этом с грустным видом, и я решила, что он предпочел бы, чтобы я полежала еще. Я успела слегка в него влюбиться, к тому же милосердная Мэгги выдала мне последнюю таблетку окси¹, вот я и предложила ему выписаться отсюда вместе со мной. Он посмеялся, похлопал меня по плечу и признался, что гордится мной. А потом велел собираться, потому что внизу меня уже ждут. Кто меня ждет? Увидите, ответил он с загадочной улыбкой – из-за этой его улыбки я была готова хоть сейчас выскочить за него замуж.

Я ничего не поняла, в тот момент у меня в голове была единственная мысль: наглядеться на него, пропитаться его запахом, пока еще оставалась возможность. Меня ждало теперь совсем другое будущее: без доктора Малдера – и все же с ним.

Сидя в кресле, которое вез мой отец, я поехала по коридору. Сиделки, медсестры, технический персонал, дежурные врачи – все показывали большой палец, провожали меня аплодисментами, поздравляли. Вот чудачки! Это я должна была выражать им свое восхищение и обнимать их. Мне хотелось сказать, что здесь, познакомившись с ними, я узнала, что такое человечность: раньше я имела о ней лишь смутное представление, а теперь она дала мне силы превозмогать боль. Но на этом сюрпризы не закончились: очутившись в больничном холле, я остоленела.

Журналисты, операторы, камеры со вспышками, полицейские, защищавшие меня, и добрая сотня совершенно незнакомых людей, съехавшихся со всего города, чтобы меня поприветствовать, – вот кто меня поджидал! Я разревелась, как кающаяся Мария Магдалина, потря-

¹ Оксикодон – обезболивающее с легким наркотическим действием.

сенная всем этим вниманием. В машине я еще немного поплакала, поняв, что меня поздравляли не с тем, что я почти достигла финишной черты, а с тем, что вообще выжила.

4

После кастинга Хлое захотелось прогуляться по Мэдисон-авеню. Почему бы, собственно, не побаловать новым платьицем или маечкой свою матушку или, еще лучше, себя любимую? Она проехала вдоль витрин, побывала в двух магазинах и раздумала делать покупки. Воздух был пропитан весенними ароматами, от которых делалось светло на душе, на тротуаре было почти свободно, кастинг прошел многообещающе – так к чему лишние расходы? Она обогнула Мэдисон-парк. С севера на юг Пятая авеню идет под уклон, поэтому для возвращения ей не пришлось прибегать к дополнительным транспортным средствам.

Увидев ее под зеленым козырьком дома, Дипак бросился открывать дверь и провожать ее к лифту.

– В офис или домой? – спросил он, взявшись за ручку лифта.

– Домой, пожалуйста.

Кабина поползла вверх.

– Я получила роль, Дипак. Запись начнется на следующей неделе, – сообщила Хлоя на втором этаже.

– Поздравляю! Хорошая роль? – спросил он на третьем.

– Главное – я обожаю эту книгу.

– Тогда я должен побыстрее ее прочесть, хотя нет, лучше подожду и послушаю, – ответил он на четвертом.

– Тот мужчина в лифте... – заговорила Хлоя на пятом этаже. – Это был клиент мистера Грумлата?

– Столько посетителей, всех не упомнишь...

Шестой этаж они миновали молча.

– Попробуйте вспомнить: он взял пакет для Леклеров и поймал для меня такси.

До седьмого этажа Дипак делал вид, будто напрягает память.

– Я как-то не обратил внимания... Да, вроде бы вежливый молодой человек, услужливый...

– Мне показалось, он индеец.

Дипак остановил кабину на девятом этаже и отодвинул решетку.

– У меня принцип: никогда не задавать вопросов людям, поднимающимся в моем лифте, особенно об их происхождении: это было бы с моей стороны слишком неучтиво.

Он учтиво попрощался с Хлоей и поехал вниз.

Сэм положил трубку. Он насторожился: босс вызывал его к себе, не поинтересовавшись, занят ли он. Ничего хорошего такая срочность не предвещала. Сэм ломал голову, в чем причина, какой он мог допустить прокол. Раздумывать было некогда: Джеральд, секретарь босса, постучал в стеклянную перегородку и щелкнул ногтем по наручным часам. Все было ясно. Сэм схватил блокнот и карандаш и на ватных ногах поплелся коридору.

Мистер Уорд говорил по телефону. Он не предложил Сэму сесть, хуже того, отвернулся к окну, выходящему на Вашингтон-сквер-парк. Сэм слушал, как он рассыпается в извинениях и обещает собеседнику принять строгие меры. Только положив трубку, Уорд развернул кресло и устался на Сэма.

– Явились! – вскричал он.

«Не к добру все это», – подумал Сэм.

– Вы хотели меня видеть?

- Вы совсем потеряли голову?
- Нет, – возразил Сэм, трогая свою макушку.
- Не советую шутить! Иногда вы меня смешите, но только не сегодня.
- Что стряслось сегодня? – робко осведомился Сэм.
- Что за оборванца мы представили сегодня утром одному из крупнейших наших доверителей?

Кусочки пазла встали на свои места: Сэм представил себе, как Санджай, одетый кое-как, с рассеянным лицом, неприлично опоздав, является на встречу с предполагаемым инвестором.

- Это привлекательное предложение, сулящее высокую прибыль.

– Сайт знакомств в Индии? А почему тогда не стриптиз-клуб в Бангладеш, раз уж на то пошло?

- Это совсем не то, что вы думаете... – промямлил Сэм.

– Лично я ничего не думаю! Мне важно одно: то, что понял наш клиент. «Дорогой Уорд, если я вкладываю деньги, причем немалые, в вашу консалтинговую фирму, то только потому, что я убежден: у нас с вами общие ценности, и среди них на первом месте – нравственность, которой я привержен не меньше, чем моим капиталовложениям...» Ну и так далее. Избавляю вас от подробностей этого тяжелого разговора. Ограничусь тем, что касается непосредственно вас. «Не желаю больше видеть этого вашего клоуна!» Довольно с вас краткого резюме, полная версия продлилась добрые четверть часа. Надеюсь, вам понятна точка зрения моего друга.

- Понятнее не бывает, – отрезал Сэм.

- Исполняйте! – распорядился Уорд, указав пальцем на дверь.

Сэм пулей вылетел из кабинета босса и столкнулся с Джеральдом, не скрывавшим удовлетворения.

- Как я погляжу, кое-кого тут погладили против шерсти, – проворковал он.

- Ты – сама элегантность! Ради таких шикарных брендовых шмоток стоило потратиться!

- Элегантность – мое внутреннее состояние, – парировал обиженный Джеральд.

- Ты успешно его скрываешь, старина.

Еще миг – и Джеральд сжевал бы от досады свой галстук, но Сэму не было дела до душевных мук секретаря. Слишком долго он терпел оплеухи от начальства. По утрам он отправлялся на работу скрипя зубами, по вечерам возвращался домой, кипя от ярости. Теперь чаша его терпения наполнилась до краев.

Своевременно пришла на ум индийская поговорка, которую любил повторять в Оксфорде Санджай: «Чтобы сосуд переполнился, нужно несчетное количество капель».

– Я все думаю: это действительно поговорка или цитата из прочитанного? – пробормотал Сэм. Джеральд, конечно, ничего не понял.

Так или иначе, сосуд был уже полон, и Сэм решил пойти ва-банк – не потому, что был прирожденным игроком, а из чувства оскорбленной гордости. Оттолкнув Джеральда, не дававшего ему пройти, он снова ворвался в кабинет Уорда.

– Один вопрос. Когда ваш друг вкладывает деньги в оружейную компанию или назавтра после выборов – в химический консорциум, известный как один из крупнейших загрязнителей окружающей среды, он тоже испытывает нравственные страдания? Можете не предлагать мне есть, я постою.

С этими словами Сэм плюхнулся в кресло напротив онемевшего босса.

– Вы знаете, что такое инь и ян, орел и решка, так что поймете, куда я клоню. Как вам известно, двое клоунов, изобретение ноутбук, без которого вы шагу ступить не можете, начали в гараже, мастера что-то из бракованных деталей, найденных в мусорных баках «Локхиды». Кем они были – старьевщиками или гениями? Позвольте, я расскажу вам кое-что о том, кого вы обозвали оборванцем, – кстати, даже среди этой публики встречаются симпатичные ребята. Санджай – выходец из семьи, превосходящей богатством нашу фирму, дом, где

он жил, смахивал на дворец. Ему было двенадцать лет, когда умер его отец. Его опекунами стали дядюшки. Когда ему исполнилось восемнадцать, его отправили в Оксфорд, там мы и познакомились. Вернувшись в Индию, Санджай сделал два открытия. Первое относилось к отцовскому завещанию. Вследствие каких-то замшелых семейных правил он мог вступить в права наследования только в возрасте тридцати лет. Само наследство – это гостиничный комплекс в самом центре Мумбаи. Второе, что открыл, вернее, осознал Санджай, – это жесткость, если не сказать жестокость, его дядьев, преследовавших единственную цель: не подпускать его к управлению отелем-дворцом, который они, в сущности, присвоили. Они были полны решимости продлить опекунство и после его совершеннолетия. Они все так устроили, чтобы распоряжаться его жизнью по собственному усмотрению. Несколько лет после возвращения из Оксфорда Санджай мог бы ходить послушным барашком и ждать, пока ему достанется законное богатство, но вместо этого он ушел, хлопнув дверью. Вам может показаться, что это просто храбрый поступок, не имевший особых последствий, но, когда остаешься без гроша, без крыши над головой, вдобавок на улицах Мумбаи, – это нечто совсем другое. Вы отчасти правы, сравнивая его с бродягой: он и вправду какое-то время ночевал под открытым небом. Но мой друг – борец, достойный и гордый человек. Он стал работать, нашел приличное жилье и, главное, не потерял свою неутолимую жажду знаний. Ему все на свете интересно, он не пасует перед испытаниями. Кажется, это восхищает меня в нем больше всего. Работая официантом в баре, он встретил бывшего одноклассника. Тот поделился своей безумной идеей, Санджай ее развил, проект вырос в бизнес – отличный бизнес! И вот теперь возникает простой вопрос: сколько таких, как ваш важный клиент, равнодушно прошли мимо того самого гаража, где двое оболтусов, с виду хиппи, возились с бракованными деталями, и теперь кусают локти оттого, что тогда не остановились? Санджай вернул себе долю в «Мумбаи Пэлс», и ее вполне достаточно, чтобы обойтись без нас, но он не хочет идти наперекор своим родственникам. Если бы мне выпала хотя бы четверть от того, что пережил он, я бы только и думал, как бы им напако-стить. Но он не такой: в Индии превыше всего уважение к старшим. На мой взгляд, соблюдение этого кодекса чести смахивает на тяжелую форму мазохизма. Обратите внимание, это похоже на наши с вами многолетние отношения. Ну а теперь карты на стол: вы заглянете в гараж или проществуете мимо? Если второе, то я уже сегодня вечером освобождаю свой кабинет.

Мистер Уорд пристально и с любопытством смотрел на Сэма. Потом снова развернулся на кресле к окну, повернувшись к своему подчиненному спиной.

– Принесите мне снова досье проекта, так и быть, изучу его еще разок.

– Смысла нет, за это я получаю у вас зарплату.

– Вы так в него верите, что готовы рискнуть карьерой? Учтите, если ничего не получится, то я вас не пощажу, шуму будет на весь Манхэттен, а это значит, что вас больше никуда на порог не...

– А если получится, и даже более того, если я открою вам ворота индийского рынка, то вы должны понимать, что простым поощрением не отделаетесь.

Уорд резко обернулся и посмотрел Сэму прямо в глаза:

– Марш отсюда, пока я не передумал!

Сэм поведал Санджаю о своем успешном разговоре с боссом, скрыв некоторые подробности. Когда такой влиятельный человек, как Уорд, соглашается рассмотреть проект, это важный первый шаг, который следует отпраздновать.

– Ты можешь хоть раз прийти вовремя, нормально одетым? – взмолился Сэм.

– Десять минут – еще не опоздание.

– Вчера ты припозднился на целых два часа!

– Согласен, но вчера у меня имелась уважительная причина: пришлось сделать крюк, чтобы проводить одну женщину на очень важную встречу.

– Можно подумать, наша была не такой важной! Что за женщина? Я ее знаю?

– Нет. Как и я, впрочем.

Сэм вытаращил глаза:

– Так и есть, у тебя с головой беда!

– Если бы ты ее увидел, то не стал бы так говорить, – укоризненно заметил Санджай.

– Что в ней такого особенного? – вскричал Сэм.

Но Санджай зашагал прочь, не удосужившись ответить.

Проходя мимо дома, где работал его дядя, он задрал голову, высматривая окна девятого этажа и гадая, досталась ли его попутчице желанная роль. Пожелав ей удачи, он побрел дальше. На Юнион-сквер, оглушенный нестройной какофонией автомобильных гудков, он отказался от намерения взять такси и спустился в подземку.

Он вышел в Испанском Гарлеме, где не было ни жилых домов с каменной резьбой, ни зеленых козырьков над входом, не говоря уж о ливрейных портье. Незатейливые постройки из красного и белого кирпича соседствовали с многоэтажными жилыми комплексами, где квартиры стоили дешево. Крепкие запахи, кричащие краски, обшарпанные фасады, выбоины в асфальте, замусоренные тротуары, мешанина языков – все это складывалось в пестрый пейзаж, напоминавший улицы его юности.

Вернувшись в квартиру, он застал Лали на диване в гостиной за вязаньем. Отчаянно гримасничая, она пыталась не дать очкам сползти на кончик носа. Дипак тем временем накрывал на стол в кухне.

– Поужинаешь с нами? – обратился он к Санджаю, не здороваясь.

– Что, если я приглашу вас обоих в ресторан?

– Насколько я знаю, сегодня не четверг, – ответил Дипак.

– Отличная мысль! – вмешалась Лали. – Куда пойдем? Так хочется разнообразия! – Она выразительно покосилась на мужа.

– Лично я голосую за американскую еду, – заявил Санджай.

Дипак обреченно вздохнул и стал убирать посуду обратно в буфет. Сняв с вешалки у двери свой плащ, он замер в ожидании. Лали отложила вязанье и подмигнула племяннику.

– Это близко, в трех кварталах отсюда, – сообщил Дипак, возглавив шествие.

На перекрестке Лали вышла на мостовую, не обращая внимания на красный сигнал светофора. Дипак остался на тротуаре и удержал за воротник племянника.

– Как все прошло с мисс Хлоей?

– Я посадил ее в такси. А что?

– Ничего, просто... она спрашивала меня про тебя.

– О чем она спрашивала?

– Это тебя не касается.

– Почему не касается?

– Мой лифт – как исповедальня: я свято храню профессиональную тайну.

Зажегся зеленый, и Дипак зашагал вперед как ни в чем не бывало. Немного погодя он задержался перед разноцветной витриной ресторана «Los Camaradas».

– В этом квартале преобладает пуэрто-риканская кухня, – предупредил он и толкнул дверь.

В доме № 12 по Пятой авеню Ривера включил под крышкой конторки радиоприемник, поймал трансляцию хоккейного матча и погрузился в чтение полицейского романа. Ночь принадлежала ему.

Бронштейны давно вернулись домой.

Уильямсам в квартиру № 7 доставили два ужина: китайский для мужа, сочинявшего у себя в кабинете очередную колонку, и итальянский для жены, рисовавшей у себя в мастерской. Риверу это навело на мысль, что ксенофобия не мешает им наслаждаться чужеземной кухней.

Мистер и миссис Леклер смотрели телевизор у себя в малой гостиной. Когда кабина лифта проезжала мимо их этажа, был слышен звук телевизора: супруги всегда делали звук громче, когда занимались любовью.

Хаякава покинули город в самом начале весны и вернутся только осенью: у них дом в Кармеле, в Калифорнии.

Моррисон, владелец квартиры № 3, был в театре – в опере или на спектакле, куда отправлялся каждый вечер; после представления он неизменно ужинал в «Бильбоке» и возвращался мертвецки пьяным к 23 часам.

Зелдоффы вообще не выходили из дому, разве что на вечернюю службу в церкви по большим праздникам. Миссис Зелдофф читала вслух книгу о жизни мормонов, супруг слушал ее, томясь от скуки.

Что до Грумлата, то он давно покинул свой офис на втором этаже. Они с Риверой почти никогда не пересекались, разве что в первой половине апреля, когда бухгалтер работал допоздна. Он шутя называл это время своим высоким сезоном: его клиентам необходимо было отправить налоговые декларации до 15 апреля. Напряженным периодом был также декабрь – месяц рождественских подарков.

В 11 вечера Ривера отложил свой детектив, уверенный, что разгадал интригу, и помог Моррисону добраться до квартиры – непростое дело, учитывая состояние, в котором, как всегда, вернулся домой этот пьянчуга. Пришлось провожать его в спальню, помогать разуться, укладывать в постель. И торопиться обратно на рабочее место.

В полночь Ривера запер входную дверь на засов, положил в карман служебный мобильный телефон, по которому жильцы могли вызвать его в любой момент, и поспешил на служебную лестницу. Тяжело дыша, он поднялся на шестой этаж и, вытирая лоб, осторожно проскользнул в оставленную незапертой служебную дверь.

Мадам Коллинз ждала его в кухне, с бокалом бордо в руке.

– Ты голоден? – спросила она. – Уверена, ты не успел поужинать.

– Съел сэндвич, уходя из дому, но не отказался бы от стакана воды, – ответил он, целуя ее в лоб. – Ох уж эти лестницы, как у меня болят от них ноги!

Миссис Коллинз налила большой стакан воды, села к нему на колени, положила голову на плечо.

– Идем в постель, – прошептала она. – Я тебя заждаюсь.

Ривера разделся в ванной, где его ждала новая, выстиранная и выглаженная пижама, сложенная на мраморной раковине. Надев пижаму, он нырнул в постель, к миссис Коллинз.

– Какая чудесная! – похвалил он пижаму. – Ты это напрасно...

– Я заглянула в «Барниз». Не сомневалась, что тебе подойдет.

– Можно подумать, что ее сшили по мерке, – восхитился Ривера, любуясь сначала одной штаниной, потом другой.

Он залез под одеяло, поставил будильник на пять утра и выключил ночник.

– Как она? – спросила шепотом миссис Коллинз.

– Спокойна, почти в хорошем настроении. Врачи опять изменили ей дозировку. Меня она приняла за маляра, красящего коридор, и похвалила за работу. Помнит, что когда-то любила голубой цвет.

– А твоя книга? Ты догадался, кто преступник?

– То ли медсестра, то ли горничная. Не исключено, что они сообщницы. Завтра все узнаю.

Ривера прильнул к миссис Коллинз, закрыл глаза и уснул.

Иногда Хлоя просыпалась среди ночи от фантомных болей в ногах. Но в этот раз не они мешали ей уснуть. Сидя в постели, она репетировала текст, сопровождая реплики персонажей романа оживленными жестами и мимикой.

Вернувшись к началу главы, она попробовала говорить басом, изображая голос Антона, молодого конюха, который по сюжету попытается отравить девушку, к которой неравнодушен. Хлоя даже выпятила грудь, как молодой петушок. Когда девушка оседлала лошадь и помчалась галопом, Хлоя захлопнула книгу и бросила ее на кровать. Откинув одеяло, она перелезла в кресло и подъехала к окну. Улицы за окном розовели: приближался рассвет. Мужчина выгуливал собачку, женщина прошла мимо него и ускорила шаг. Такси высадило парочку в вечерних нарядах...

Хлоя со вздохом задернула шторы. Ее взгляд упал на книгу. Теперь Хлоя – актриса-невидимка, артистка, пытающаяся продолжить карьеру, но по-другому.

Она отправилась в кухню заварить чай.

Шум закипающего чайника не смог заглушить донесшийся со служебной лестницы истошный крик. Задвижка на служебной двери располагалась слишком высоко, ей было до нее не дотянуться. Хлоя попробовала приподняться, опираясь на руку, – бесполезно. Осталось прижаться щекой к двери и напрячь слух. Она услышала жалобный стон, потом все стихло.

Она отъехала назад, развернула кресло, выключила газ, выехала в коридор и забарабанила в дверь отцовской спальни. Бронштейн вскочил с кровати и предстал перед дочерью заспанный и растрепанный.

– Что случилось? – испуганно пролепетал он.

– Быстрее за мной, пожалуйста!

В кухне она объяснила, что слышала, как кто-то упал на лестнице.

Бронштейн поспешил вниз. Спустившись на четыре этажа, он крикнул дочери, чтобы вызвала подмогу.

– Что произошло? – крикнула она в ответ, злясь на свое бессилие.

– Быстрее звони! Я спущусь и открою.

Она метнулась в свою спальню, схватила мобильный и набрала 911. Потом вернулась на свой наблюдательный пост и широко раздвинула шторы.

Ее отец дежурил на тротуаре. Пронзительно завывала сирена, к дому подъехала «скорая помощь». Двое санитаров бросились следом за Бронштейном к черному ходу.

Хлоя в нетерпении колесила между окном спальни и кухней.

Внизу появились санитары с носилками, на которых лежал мужчина с кислородной маской на лице. Носилки погрузили в «скорую».

Хлоя встречала отца у двери квартиры, но он вошел с другой стороны.

– На лифте теперь не подниматься, – объяснил он, с трудом переводя дух. – Ривера в очень плохом состоянии.

Мой перевязочный день

Доктор Малдер спросил, хочу ли я посмотреть на свои колени. Он объяснил, что одни пациенты с ампутированными конечностями изъявляют такое желание, другие – нет. Я заколебалась и ответила, что с меня хватит одного колена.

Я знала, чего лишилась, но не представляла, насколько велик ущерб. Там, где полагалось находиться моим икрам, было нечто напоминающее лунный пейзаж. Меня парализовало от ужаса. Джулиус предпочел выйти. Мэгги положила мне на лоб компресс, папа смылся к Джулиусу в коридор – наверное, чтобы оставить меня в женском обществе или чтобы я не видела его слез.

Потом Мэгги сообщила, что моими лучшими друзьями на несколько дней – но не дольше – станут сильные обезболивающие. Мне ни в коем случае нельзя было к ним привыкать. Меня глубоко трогала доброта людей, которые за мной ухаживали. Мэгги стала звать меня «каплей меда» – наверное, из-за нынешнего вида моих коленей. Когда доктор сантиметр за сантиметром снимал бинты, он все время спрашивал, не больно ли мне. Признаться, от их сострадания мне становилось легче. Вот бы забрать их обоих с собой... Но до возвращения домой было еще далеко.

Я стискивала руку Мэгги мертвой хваткой – как я ей только пальцы не раздавила! – а она знай себе твердила, что я молодец, что она мною гордится. Но когда Малдер снял последние бинты, боль стала такой чудовищной, что меня стошнило всем тем, что я съела на завтрак; Джулиус вернулся в палату, и Мэгги сунула ему тазик с моей рвотой: так романтично, правда? Дальше я ничего не помню; Мэгги сказала, что я достаточно настрадалась, и она, не дожидаясь указаний Малдера, поспешила меня усыпить: добавила снотворного в мою капельницу, и я, получив в вену спасительную дозу, забылась.

Когда я снова открыла глаза, Джулиус по-прежнему был рядом. Я осведомилась, долго ли спала, – как будто это что-то значило. На самом деле мне было важно узнать, сколько времени он пробыл со мной. Он внимательно на меня посмотрел и сказал с несвойственной ему дрожью в голосе, что мне, наверное, неплохо бы вымыть голову. Потом он зарыдал, и теперь уже мне пришлось его утешать. Джулиус все время повторял, что просит прощения – за что, хотелось бы знать? Я твердила, что отчаиваться нет причин, что он ни в чем не виноват. Но он не унимался: мол, ничего бы не произошло, если бы плюнул на свою работу и мы поехали бы в Италию. Я возразила, что в Италии меня вообще могли бы раздавить в лепешку, ведь итальянцы – известные лихачи, тогда он запричитал, что лучше бы оказался там со мной. Интересно, что это изменило бы? Разве мог он очутиться на моем месте?... Почему наши близкие испытывают потребность винить себя, когда с нами случается что-то ужасное? Наверное, так они справляются с горем, осваиваются с мыслью, что дальнейшая жизнь уже не будет прежней. Одно дело – раньше, другое – потом. Думая о том, что будет потом, я, глядя на Джулиуса, напредила ему, что он ничего мне не должен. Он спросил, не возражаю ли я, чтобы он вымыл мне голову – под надзором Мэгги, конечно. Наверное, мои волосы сохранили запах «14:50». Я не придумала названия тому, что произошло, поэтому решила: пусть это будет «14:50» – тот миг, когда у меня остановились часы.

5

В 6:15 утра Дипак вошел в здание через черный ход, спустился в подвал за униформой и приготовился к выполнению своих обязанностей. Начало рабочего дня ничем не отличалось от обычного, чего нельзя было сказать о продолжении: в холле царил суматоха, Леклеры, Уильямсы и Зелдоффы совещались с Бронштейном, Моррисон дремал, привалившись к стене, миссис Коллинз в лихорадочном состоянии расхаживала взад-вперед, не хватало одной только мисс Хлои. Видя всеобщее возбуждение, Дипак сперва лишился дара речи, но представшая его взору загадка вернула его к реальности. Кто собрал всю эту публику внизу, учитывая отсутствие его сменщика?

Бронштейн первым заметил появление Дипака и с убитым видом шагнул к нему.

– Мой дорогой Дипак, я страшно огорчен. Случилось несчастье: мистер Ривера упал со служебной лестницы.

– Как он оказался на служебной лестнице в пять утра? – вскричал Уильямс.

– В данный момент это не главное, для нас гораздо важнее узнать о его состоянии, – напомнила мадам Леклер, щеголявшая перед соседями в легком неглиже.

– Что говорят в отделении неотложной помощи? – спросила миссис Уильямс, торопясь на выручку своему супругу.

– Там молчат. У бедняги открытый перелом правой ноги, правда, потеря крови минимальная. Он оглушен, но в сознании. Я с ним разговаривал, его ответы были вполне разумны, – уточнил профессор.

– Будем надеяться, что по этой части ему ничего не грозит, – изрек со вздохом Зелдофф, украдкой поглядывая на декольте мадам Леклер.

– Наверняка при поступлении в больницу ему сделали томограмму мозга, – подхватила его жена и привела мужа в чувство, пнув его в лодыжку.

– Куда его отвезли? – бесстрастно осведомился Дипак.

– Я попросил доставить его в медицинский центр «Бет», один тамошний врач – мой друг, – ответил Бронштейн.

– Полагаю, всем вам хочется как можно быстрее разойтись по своим квартирам, но для этого придется сделать две ездки, поэтому давайте разделимся на две группы, – скомандовал Дипак, словно капитан терпящего бедствие корабля.

Последовала переключка пассажиров: Зелдоффы, спящий стоя Моррисон – живая загадка, миссис Коллинз... Поискав ее взглядом, Дипак увидел, что она стоит за его конторкой и копается в ящике. Закрыв его, она стала что-то высматривать у себя под ногами.

– Чем я могу вам помочь? – шепнул ей Дипак.

Миссис Коллинз нашла то, что искала, – книжку карманного формата, которую незаметно сунула себе в карман.

– Можете на меня рассчитывать, – успокоил он ее. – Будьте так любезны, пройдите в лифт и по пути разбудите мистера Моррисона. Я буду вам бесконечно признателен...

Накатав сотню метров по вертикали и потратив на это несколько минут, Дипак, оставшись один в кабине лифта, откинул раскладное сиденье, сел и стиснул ладонями виски. Первым делом надо было предупредить жену, что вечером он задержится. Жильцам потребуется его помощь при возвращении домой в конце дня; а потом он поедет в больницу. Кто будет нести службу ночью? Сколько времени жильцы согласятся в его отсутствие ходить по лестнице? Пока что у него не было ответа на этот ключевой вопрос, но грудь сжимало тяжкое предчувствие.

Жизнь возобновила почти нормальное течение. Дипак исполнял свои привычные обязанности. Подняв на нужный этаж горничную Леклеров, он спустил вниз их золотистого ретривера, чтобы передать его парню, выгуливающему собак. В девять часов в холле появился мистер Грумлат.

– Странный у вас нынче вид, – бросил он лифтеру, входя в кабину.

На счастье, контора бухгалтера располагалась на втором этаже, так что отвечать Дипаку не пришлось.

В десять часов его услуги понадобились Уильямсу. Когда Дипак ехал на восьмой этаж, ему позвонил Зелдофф. Останавливать кабину не было необходимости, потому что люди, желающие спускаться вниз, терпеть не могут подниматься наверх, так что он решил подобрать Зелдоффа на обратном пути. Зелдофф и Уильямс поздоровались во второй раз за день.

– Нет, серьезно, что занесло его на лестницу в пять часов утра? – пробормотал себе под нос обозреватель «Фокс Ньюс», никогда не упускавший возможности кого-нибудь в чем-нибудь заподозрить.

– Представить себе не могу, – отозвался со вздохом Зелдофф, у которого вообще были проблемы с воображением, оно разыгрывалось только в присутствии соседки-француженки с седьмого этажа.

Дипак чувствовал их взгляды на своих плечах или, быть может, на своей фуражке... Обращаться к ним он поостерегся, только пожелал всего доброго, отодвигая решетку. На тротуаре мужчины разошлись в разные стороны.

Немного погодя настал черед Леклеров, всегда покидавших дом вместе.

Миссис Уильямс работала на дому, миссис Зелдофф вообще не работала, миссис Коллинз по утрам никогда никуда не ходила, Моррисон не высовывал носа на улицу до трех дня, отсыпаясь после вечерней попойки, горничная Леклеров выходила за покупками только в обеденное время, выключив в полдень пылесос. Иными словами, Дипак мог посвятить кое-какое время себе.

Он устроился за своей конторкой, открыл старый телефонный справочник и набрал номер больницы.

Это утро было не похоже ни на одно другое. Произошло то, чего не случалось очень давно, настолько давно, что Дипак уже не мог припомнить дату последнего происшествия подобного рода: ожил бакелитовый телефон. Дипак долго взирал на него в изумлении, прежде чем снять трубку.

– Вы что-нибудь про него знаете? – услышал он дрожащий голос миссис Коллинз.

– Я звонил в больницу, мэм. Он все еще в операционной, но опасности для жизни нет.

В трубке прошелестел вздох облегчения.

– Разделяю ваши чувства, мэм, – молвил Дипак. – перезвоните мне сюда между половиной третьего и тремя часами дня, когда в холле будет спокойно, – прошептал он и осторожно положил трубку.

Тут завибрировал его мобильный. Мисс Хлоя, больше некому. Когда монтировали лифт, никто не позаботился о людях в инвалидных креслах и кнопка вызова оказалась на недостижимой для них высоте.

Дипак поехал за ней. Она ждала его на своем девятом этаже.

– Я подумала: нужно, чтобы кто-то был с ним рядом, когда он придет в себя, – сказала Хлоя, когда они спускались.

– Так чутко с вашей стороны, мисс!

– Это я слышала, как он упал. Я была в кухне, когда...

Это утро решительно не походило ни на одно другое. Дипак, на время забыв о своей легендарной невозмутимости, перебил Хлою.

– Это котельная, – стал объяснять он вполголоса. – Котел включается в пять утра, пар поднимается по трубам. На четвертом этаже они проложены слишком близко к стене и вибрируют, адски шумят, можно подумать, что кто-то колотит молотком. Приходится подниматься и стучать кулаком по стене, от этого шум прекращается. Тогда-то он, должно быть, и оступился, и...

– Очень может быть. Но зачем вы мне это рассказываете?

– На случай, если поинтересуется мистер Уильямс.

Он проводил ее на улицу, подозвал такси и помог ей в него погрузиться.

– Не тревожьтесь, перелом ноги – это не страшно, – сказала она, придерживая дверцу.

– Не смею возражать, особенно вам, но в его возрасте это не пустяк, – произнес со вздохом Дипак.

– Я позвоню, когда будут новости.

Дипак поблагодарил ее за неравнодушие и вернулся в дом. Он был потрясен, хотя ни за что в этом не признался бы.

Хлоя смотрела на Риверу, спавшего спиной к окну. Когда она очутилась в таком же незавидном положении, ее вниманием – лишь только к ней стали возвращаться силы – завладел клен за окном. Он подсказывал ей, что меняются времена года: зимой ветки были голы, вес-

ной на них набухали почки, а потом распускались и пахли цветы, летом шумела густая листва, осень заявляла о себе оттенками желтого.

Вошла медсестра, чтобы проверить капельницу и записать давление пациента. Хлоя спросила, каковы у него перспективы. Сестра не могла сказать определенно, будет ли его нога работать нормально, как раньше. После ее ухода Хлоя впала в панику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.